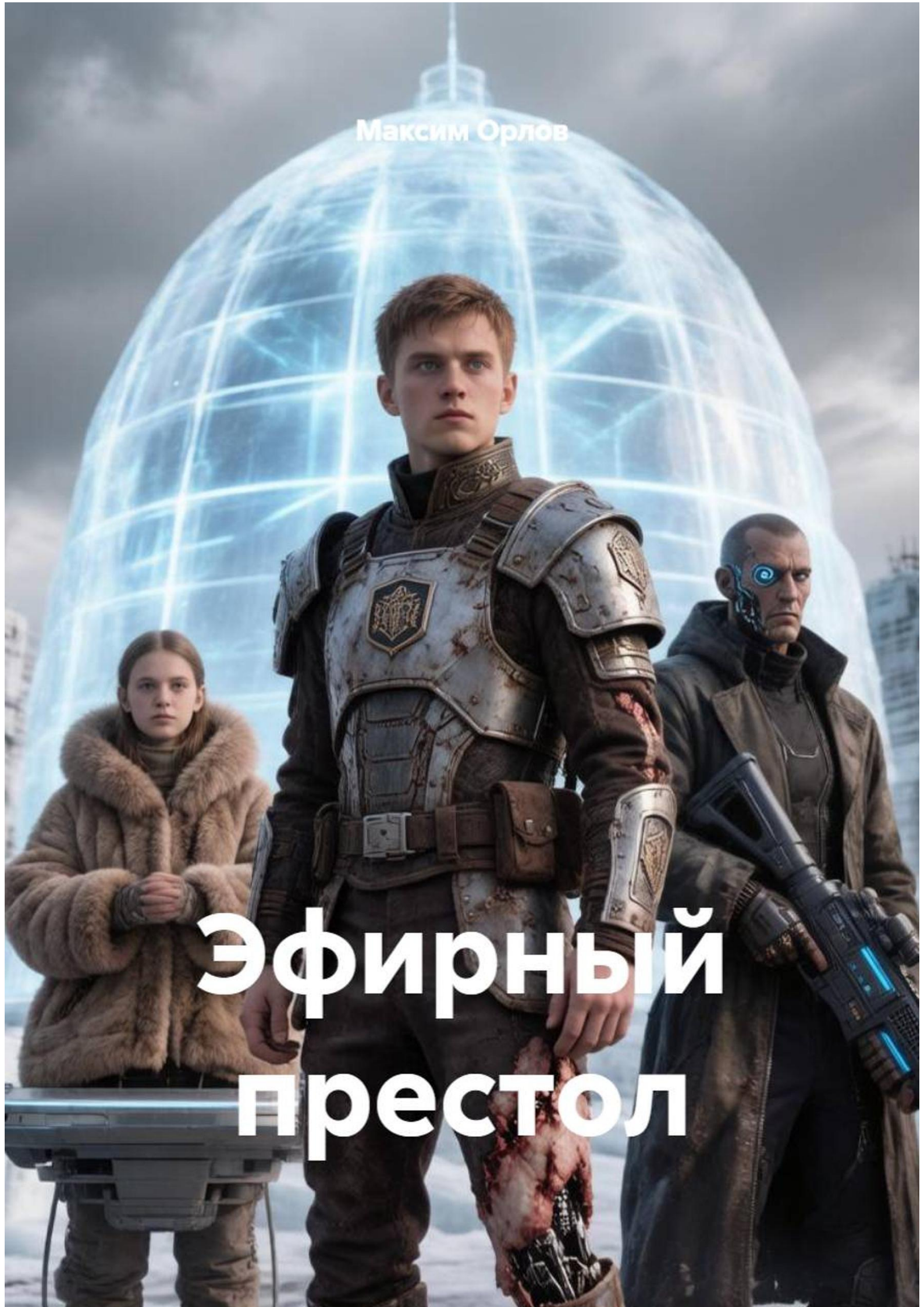

Максим Орлов

Эфирный престол

Максим Орлов

Эфирный престол

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Эфирный престол / М. В. Орлов — «Автор», 2026

2354 год. Земля в руинах. Коллапс нейросети уничтожил технологии и законы физики. Миром правят Дома аристократов, чья кровь усиливает Эфир — поле, гнущее реальность силой воли. Родион Воронцов — «пустой» наследник. Эфир умирает в его присутствии. Его считают бракованным, но внутри его черепа дремлет «Чёрный ящик» — осколок ИИ, сохранивший логику в безумном мире. Когда в небе появляется чёрный куб и требует ключ, за Родионом охотятся все: братья, киборги, фанатики, Синод. Бегство через Пустоши, встреча с мародёром и погоня заставляют выбирать: быть инструментом или хозяином судьбы. Путь к Ковчегу открывает тайну его прошлого. Финал, где магия становится наукой, переворачивает понятие героизма. Роман для поклонников «Дюны» и «Стального алхимика» — о том, как человек учится быть творцом, даже когда мир считает его ошибкой.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Максим Орлов

Эфирный престол

Глава 1

Снег над крышей Дома Воронцовых падал вверх.

Старший брат Ярослав стоял в центре Зала Наследия, раскинув руки, и его ладони сочились жидким золотом Эфира — густым, тяжёлым, пахнущим озоном и старым машинным маслом. Золото сплеталось в спираль, вытягивалось, обретало рёбра, чешую и слепые фасеточные глаза. Огненный змей длиной в двадцать шагов ударил хвостом по мраморному полу, оставив оплавленную борозду, вдохнул раскалёнными ноздрями воздух и заревел, но звук умер, не пролетев и трёх метров от хозяина. Он просто разбился о невидимую стену абсолютной тишины, которой был окружён Родион.

Родион оставался неподвижен у северной колонны, сцепив за спиной руки в тонких чёрных перчатках без пальцев. Мир вокруг него отказывался сходить с ума. Там, где дышал Ярослав, замерзали капли влаги в воздухе, превращаясь в мелкую стеклянную пыль. Любое слож-

ное плетение распадалось в серый пепел, стоило ему лишь приблизиться к зоне отчуждения младшего брата. Эфир боялся Родиона, как живая вода боится дистиллята.

Отец поднялся со своего обсидианового трона медленно, опираясь на трость из полированного титана. Его лицо состояло из острых углов и глубоких морщин.

— Наследником Великого Дома объявляется Родион Воронцов, — произнёс он, и голос прозвучал суше, чем шелест песка в Пустошах. — Отныне печать управления реактором переходит к нему.

Зал замер. Лицо Ярослава пошло бурыми пятнами — мгновенный скачок давления, когда сдерживаемая ярость ищет выход через сосуды. Младшие сыновья отступили на шаг назад, разрывая дистанцию. Они смотрели сквозь Родиона, туда, где должен был стоять призрак их будущей власти.

Ярослав улыбнулся. Это была профессиональная улыбка человека, привыкшего сжигать своих врагов заживо. Он поклонился отцу до земли — идеальный придворный этикет, скрывающий оскал хищника, — а затем выпрямился, глядя прямо в мёртвые антимагнитные глаза Родиона.

— Брат устал после долгой дороги из южных провинций, — громко проговорил он. — Кровь остывает вдали от родного очага. Возможно, старый добрый клинок согреет тебя лучше, чем холодный камень этих стен? Поединок воли. Без Эфира. Только сталь, дыхание и то, что вложил в нас Господь до того, как люди украли огонь у неба.

Это была ловушка, выкованная из чистого закона. Принять вызов означало выйти против старшего сына, который тренировался убивать с пяти лет.

Они вышли во внутренний двор под чёрное небо 2354 года. Секунданты воткнули в промёрзшую землю два клинка — полторные палаши с титановой сердцевинкой; легче, чем казались, но каждый удар вгонял лезвие в кость до рукояти. Ярослав сбросил тяжёлый меховой плащ, оставшись в нательной рубаше. Родион снял перчатки. Его собственные руки казались тонкими и почти женственными на фоне брата.

Первый выпад Ярослав сделал без предупреждения. Тяжёлый клинок рассек воздух там, где секунду назад была шея Родиона. Младший ушёл с линии атаки коротким шагом вбок. Удар прошёл мимо. Ярослав развернулся на пятке, используя инерцию, и нанёс горизонтальный рубящий удар, вкладывая в него вес всего тела. Лезвие должно было разрубить Родиона пополам.

Оно встретилось с пустотой.

Родион поймал запястье брата левой рукой. Не блокировал, не отводил — именно поймал, сжав пальцы с силой гидравлических тисков. Никакого искажения физики. Просто чистая биомеханика, помноженная на знание анатомии. Ярослав попытался повернуть кисть, уйти от захвата, но кости в его руке хрустнули раньше, чем мозг успел отдать приказ мышцам расслабиться. Палаш выпал в снег.

Второй сын бросился сбоку, пытаясь достать стилетом в печень. Родион отпустил искалеченную руку Ярослава, перехватил запястье нападающего, нырнул под локоть и впечатал колено в грудную клетку противника. Хруст ломающихся рёбер утонул в вое метели. Второй сын упал и больше не поднялся, скорчившись в позе эмбриона вокруг разорванных лёгких.

Ярослав взвыл, прижимая к груди сломанную конечность. Из глаз хлынули слёзы бессилия. Он открыл рот, собираясь выдохнуть струю перегретой плазмы прямо в лицо предателю, активировать свой последний козырь, испепелить брата вместе с половиной двора, но Эфир отказался служить. Родион стоял ровно в двух шагах от него, и зона нулевого резонанса высасывала тепло из заклинаний быстрее, чем кровь вытекала из артерий. Магия осыпалась сухим песком. Остался только человек с раздробленной рукой, стоящий перед братом, который смотрел на него без всякого выражения.

— Ты убил Григория, — прошипел Ярослав, сплёвывая кровавую слюну на белый снег.

— Я остановил его сердце, потому что оно билось в сторону моего собственного, — ровным голосом ответил Родион. — Правило наследования гласит: старший уступает место тому, чья воля крепче. Моя оказалась крепче твоей геометрии пространства.

Он поднял с земли оба клинка. Тяжесть стали успокаивала. Она подчинялась законам тяготения, которые нельзя отменить истерикой. Поднимая палаш, он ощутил, как внутри черепа, за левым глазом, полыхнуло короткой, острой болью. Мир моргнул.

На секунду периферийное зрение залило серым шумом статики — вестибулярный аппарат отключился, пытаюсь переварить поток данных, — «Чёрный ящик» считал трёхмерную матрицу движений брата за 0,3 секунды, сжигая недельный запас кремниевых тактов. Теперь до следующего включения — шесть дней. Шесть дней он снова станет просто человеком с тонкими руками.

— Отец вычеркнет тебя из родословной, — просипел Ярослав, чувствуя, как сталь начинает медленно продавливать кожу между ключицами. — Ты станешь пылью. Призраком в архивах.

— Нет, — Родион чуть сильнее надавил на рукоять, и по шее Ярослава потекла тонкая алая струйка. — Теперь я буду держать этот дом. А ты отправишься в восточные шахты. Будешь добывать кристаллический кремний голыми руками. Посмотрим, сколько огня останется в твоих жилах, когда ты узнаешь настоящий холод.

Он отвёл клинок. Развернулся и пошёл обратно к главному входу, перешагивая через тело Григория, даже не взглянув на поверженных братьев. За его спиной тяжело, с присвистом, дышал Ярослав, пытаюсь остановить кровотечение остатками дара, который теперь вечно будет разбиваться о молчание младшего брата.

В своих покоях, отделанных тёмным дубом и тусклой медью, Родион плеснул в серебряный кубок водки на смородиновом почке. Жидкость обожгла горло привычным огнём. Он подошёл к высокому окну. Отсюда открывался вид на Внутреннее Кольцо Домена: светящиеся теплицы, верфи дирижаблей, выбрасывающие в фиолетовое марево клубы тяжёлого пара, и бесконечные бараки холопов. Всё это жило, питаемое кровью тех, кто умел уговаривать мёртвый Эфир быть послушным.

Дверь открылась без стука. На пороге стояла Искра. Её фарфоровая кожа светилась в полумраке комнаты собственным внутренним светом. Нижнюю половину её тела скрывал каркас экзоскелета из бронзовых трубок, тихо гудящий сервоприводами при каждом движении. Она подъехала ближе, отталкиваясь от пола двумя изящными рукоятями.

— Ты мог убить их, — сказала она вместо приветствия. Голос вибрировал на низких частотах, способный убаюкать разъярённого зверя. — Полное право силы. Но ты оставил им жизнь. Зачем?

— Мёртвецы плохо работают в шахтах, — Родион отпил водки, не поворачиваясь. — Кроме того, отец любит симметрию. Два старших сына ушли вниз, один младший встал на самый верх. Баланс соблюдён.

— Ты лжёшь, — Искра подалась вперёд, и в её голосе впервые проскользнула сталь. Экзоскелет издал тонкий писк калибровки гидравлики. — Ты защищаешь не меня. Ты защищаешь свой план. Я — твой билет в Москву. Если я умру, Синод не примет тебя. Поэтому ты держишь меня рядом, как талисман. Не как сестру.

Родион медленно повернулся. Впервые за весь день в его глазах мелькнул живой интерес.

— Хочешь, я отвезу тебя в Пустоши и оставлю у костра казаков? — предложил он мягко. — Они будут лечить тебя своими молитвами и грязной водой. — Он усмехнулся одними губами. — Нет. Ты останешься здесь, потому что я не хочу нести на совести ещё одну смерть. Этого достаточно?

Искра моргнула. Светящаяся радужка погасла, возвращая глазам обычный человеческий цвет. Она ничего не ответила, молча развернув кресло и направившись к выходу, оставляя за собой едва уловимый запах озона и антисептиков.

Когда дверь закрылась, отсекая комнату от коридора, Родион перестал двигаться. Он сидел в массивном кожаном кресле, сжимая в руках холодный металл револьвера отца, и механически протирая ветошью барабан. Внутри черепа царил абсолютный вычислительный нуль. Машина считала шансы выжить, а человек пил водку и ждал рассвета.

Внезапно лампа над его столом погасла. Замигал аварийный пульт в углу. Где-то внизу, в шахтах реактора, завывала сирена — не предупредительная, а боевая. Родион переглянулся с пустым окном. Где-то за Внешним Кольцом, в ледяной мгле Пустошей, кто-то только что перерезал главную линию электропередач, идущую от геотермальной станции. Кто-то очень сильный и очень голодный.

Игнат ворвался без стука. Начальник стражи тяжело опирался на дверной косяк, его правый наплечник был сорван, обнажая пропитанный кровью мундир.

— Ксения, — прохрипел он, глотая морозный воздух коридора. — Её стая прошла через минное поле. У них есть проводник изнутри. Уходим. Сейчас.

Родион не двинулся с места. Он аккуратно положил револьвер на стол, дулом к себе, и допил водку одним длинным глотком. Тепло алкоголя наконец пробило плотину расчётливого холода.

— Минное поле отключается с главного пульта охраны, Игнат, — спокойно заметил он. — Чтобы провести через него стаю киборгов, нужен уровень доступа члена Совета или самого Князя.

Начальник стражи стёр рукавом сажу со щеки. Его единственный здоровый глаз слезился от боли, но взгляд оставался твёрдым.

— Значит, у неё есть союзник среди нас. Потому они уже проламывают внешние ворота донжона. Ваши братья... те, что остались живы... они открыли ей северный служебный тоннель. Хотели пропустить её к тебе, пока мы будем отбивать парадный вход. Думали, она сделает за них грязную работу.

Родион медленно поднялся. Кресло жалобно скрипнуло. Он подошёл к стене, нажав скрытую панель. За дубовыми панелями открылся оружейный сейф довоенной сборки.

— Передай по внутренней связи приказ охране жилого сектора, — бросил он, снимая с крепления тяжёлую штурмовую винтовку. — Любой член семьи Воронцовых, обнаруженный вне своих покоев в ближайшие десять минут, подлежит немедленному уничтожению на месте. Без разбирательств.

Игнат побледнел, осознавая масштаб приказа. Истребление собственной крови ради сохранения контроля.

— А если...

— Выполнять, — отрезал Родион, передёргивая затвор. Винтовка клацнула с глухим металлическим звуком, абсолютно чуждым этому дому бархатных штор и золотых эфемеров. — И вели готовить мой личный коптер. Мы вылетаем через пять минут. Летим низко, вдоль русла замёрзшей реки. ПВО Ярослава сейчас наверняка саботировано.

— А Москва? «Синод?» — растерянno спросил Игнат, принимая из рук господина тяжёлый тактический пояс с подсумками.

— Москва подождёт, — Родион застегнул пряжку. Холодный металл обжёг кожу сквозь рубашку. — Сначала нужно напомнить моим родственникам, почему Эфир обходит меня стороной. Нужно показать им цену страха.

Где-то глубоко под фундаментом замка, в недрах реактора, послышался нарастающий гул — системы охлаждения выходили на пиковый режим, готовясь перенаправить энергию с обогрева оранжерей на электромагнитные щиты периметра. Дом просыпался, переставая быть

поместьем и становясь крепостью. Война за наследство, отложенная на час поединком клинков, началась всерьёз.

Глава 2

Взлётная палуба донжона утопала в красном свете аварийных прожекторов. Ледяной ветер Пустошей, прорвавшийся сквозь пробойны во внешнем периметре, швырял колючую крупу прямо в лицо. Винт тяжёлого штурмового коптера уже вращался, вой турбин резонировал с костями черепа, срывая с перил стальные сосульки.

Родион тащил Искру на себе — её экзоскелет отказал, когда Ксения электромагнитным импульсом вырубил реактор первого уровня, и теперь сестра висела на нём мёртвым грузом, пахнувшая страхом, антисептиками и озоном перегоревшей проводки. Её тонкие пальцы до боли впивались в наплечник его шинели. Игнат прикрывал их отход, поливая свинцом пролом в стене технического яруса, откуда вываливались первые фигуры в чёрном — банда Ксении двигалась рывками, как марионетки с обрезанными нитями, но каждый их выстрел выбивал куски гранита из облицовки замка.

— Твой отец приказал запереть его покои изнутри, — бросил Игнат, меняя раскалённый ствол автомата и выплёвывая гильзы под ноги. На его скуле алел глубокий порез от осколка стекла. — Сказал: «Я сделал свой выбор. Теперь пусть молодые кровью умываются».

Родион кивнул, перехватывая сестру поудобнее. Суставы Искры хрустнули, она тихо застонала, но глаз не открыла.

— Игнат, — сказал Родион, не оборачиваясь к начальнику стражи, голос едва перекрывал рёв моторов. — Если меня убьют... проследи, чтобы Искру вывезли. Не ради Синода. Просто чтобы она не досталась Ксении.

Начальник стражи коротко кивнул, хотя Родион этого не видел. Он лишь сильнее прижал приклад винтовки к плечу, высаживая очередь в темноту шахты лифта.

Трап коптера начал подниматься. Магнитные замки щёлкнули, отсекая палубу от гибнущего Дома. Машина резко пошла вверх, заваливаясь на левый борт — кто-то внизу успел повредить гироскоп ручного управления. Кабина содрогнулась от удара: снаряд станкового гранатомёта разнёс хвостовую балку. Коптер закрутило в штопоре над Внутренним Кольцом. За бронированным стеклом проносились огни теплиц, шпиль библиотеки и горящие бараки холопов.

Искра пришла в сознание именно в момент свободного падения. Гравитация вдавила её в переборку, экзоскелет жалобно заскрежетал металлом о титановый пол.

— Мы умираем? — спросила она совершенно будничным тоном, словно интересовалась погодой. Её глаза были ясными, зрачки расширены от адреналина.

— Ещё нет, — процедил Родион. Одной рукой он удерживал сестру, другой пытался дотянуться до штурвала резервного управления. Мышцы шеи вздулись венами, пытаясь компенсировать дикую болтанку вестибулярного аппарата. — Пристегнись. И молись своему Эфиру, если умеешь.

Коптер ударился о крышу северной галереи, снеся декоративную башенку. Скрежет рвущегося металла длился три секунды, показавшиеся вечностью. Носовая часть ушла в сугроб по самые иллюминаторы. Двигатели захлебнулись визгом и смолкли. Наступила тишина, прерываемая только треском остывающего корпуса и тяжёлым дыханием людей.

В кабине воняло жжёной изоляцией и керосином. Фронтальное стекло покрылось сетью трещин, похожих на паутину. Родион сплюнул кровь — при ударе он прокусил губу. По подбородку потекла густая, солёная капля.

— Живы, — констатировал Игнат, отстёгивая ремни. Его автомат остался где-то под искореженным креслом второго пилота. — Пока что.

Задний люк со скрежетом рухнул вниз, превратившись в импровизированный трап. Снаружи была ледяная ночь мёртвого города. Руслó замёрзшей реки змеилось чёрной лентой

между белыми барханами радиоактивной пыли. До Внешнего Кольца было около пяти километров открытого пространства.

Они не успели сделать и десяти шагов от дымящихся обломков.

Снег впереди взорвался белой крошкой. Из-под земли, разрывая промёрзший грунт титановыми когтями, вырвалась массивная фигура. Это был один из тяжёлых киборгов Ксении — ходячий танк довоенной сборки, обмотанный для маскировки шкурами мутировавших волков. Вместо левой руки у него торчал блок роторного пулемёта. Очередь прошла воздух там, где секунду назад стояла голова Игната. Начальник стражи рухнул в снег, перекатываясь за опору моста.

Следом вышли остальные. Дюжина фигур. Они не бежали — они шли мерным, механическим шагом, синхронно переставляя гидравлические конечности. Их оптические сенсоры светились тусклым багровым светом, отражаясь в зеркальном насте. Но это была лишь свита.

Ксения шла последней. Она не спешила. Она остановилась в двадцати метрах от разбитого коптера, и снег вокруг её ног мгновенно почернел и испарился от исходящего жара работающих сервоприводов. К ней тянулся толстый чёрный кабель, уходящий куда-то в темноту позади стаи, — пульсирующий, живой шланг, подключённый к спине убитого ими охранника донжона. Ксения впитывала остатки его жизненной силы, восстанавливая заряд батарей после прорыва минных полей.

Она выглядела как памятник войне, который забыли переплавить. Броня местами сошла ржавыми лохмотьями, обнажая бледную человеческую кожу, покрытую сложной вязью татуировок-схем. Один её глаз был живым, холодным, изучающим — тем самым глазом юной аристократки, которую Родион помнил по детству. Второй представлял собой сложный медицинский окуляр с линзой из сапфира, тихо гудящий при фокусировке.

— Ты разбил мой транспорт, Родион, — произнесла она. Голос звучал чисто, без привычного цифрового искажения вокодера — значит, импульс реактора ей тоже навредил, заставив перейти на собственные связки. — А ведь мы почти договорились с твоими братцами. Ярослав обещал мне тело Григория. Говорят, дар Администрирования консервируется в гипофизе лучше всего. Мне нужен был хороший аккумулятор, чтобы пережить зиму.

Родион медленно отпустил Искру. Ноги сестры подкосились, и она осела в снег, опираясь на свои рукояти-костыли. Экзоскелет окончательно умер. Она стала абсолютно беспомощной.

— Договор расторгнут, — ответил Родион. Он стоял неподвижно, опустив руки вдоль тела. Внутри черепа царил абсолютный нуль. Шесть дней. У него есть шесть дней чистого человеческого ресурса против армии машин. — Тебе придётся найти другую батарею.

Ксения улыбнулась краем рта.

— Я нашла. — Она подняла правую руку. Между пальцами затрещала синяя дуга статики. — Знаешь, почему ты Антинатал? Почему твой «Ящик» выжил внутри тебя, когда всё остальное сгорело? Потому что твоя мать принимала синтетический ингибитор воли всю беременность. Она пыталась убить тебя ещё в утробе, маленький администратор. Сделать стерильным. Но технология оказалась слишком грубой. Она выжгла тебе способность чувствовать, но оставила вычислительную мощь. Ты — брак системы. Ошибка кода. А ошибки нужно исправлять.

Синяя дуга сорвалась с её пальцев. Это не была молния Эфира — это был чистый направленный разряд электричества, бьющий по законам физики довоенного мира. Родион прыгнул вбок, сбивая Искру с линии огня. Заряд ударил в плечо Игната, которого зацепило отдачей. Начальника стражи выгнуло дугой, запахло палёным мясом и мокрой шерстью шинели. Он упал и больше не шевелился.

Родион вскинул голову. Револьвер лежал в кобуре. Винтовка осталась в коптере. До ближайшего укрытия — пять метров открытого льда. Он почувствовал, как внутри черепа начи-

нает нарастать знакомое давление. Холодная игла паники коснулась затылка. Страх. Животный, первобытный ужас смерти. Идеальный катализатор.

«Нет», — мысленно отрезал он. — «Не сейчас. Не здесь. Шесть дней».

Давление отступило, оставив после себя звенящую пустоту и холодный пот на спине. Он остался обычным человеком. Беззащитным куском мяса перед машиной для убийства.

— Беги, Родион, — мягко сказала Ксения. Она сделала шаг вперёд. Кабель, питающий её, натянулся. — Беги в свою Москву. Я буду идти следом. Очень медленно. Достаточно медленно, чтобы ты каждую ночь слышал гул моих сервоприводов во сне. Я дам тебе почувствовать то, чего ты лишён. Настоящий, животный ужас. Когда твои лёгкие начнут гореть от бега, а колени сотрутся в кровь — вот тогда мы поговорим о ключе.

Она махнула рукой стае. Багровые сенсоры вспыхнули ярче. Киборги начали расходиться веером, беря беглецов в классическую клешню загонной охоты.

Родион схватил Искру за воротник шинели и поволок прочь от обломков, оставляя за спиной широкое кровавое пятно на месте, где лежал Игнат. Снег падал вертикально вниз, равнодушный к их бегству. Впервые за двадцать лет Родион Воронцов не знал, какой будет следующая переменная в уравнении его выживания. Калькулятор внутри головы выдавал критическую ошибку: «Ресурсы исчерпаны. Вероятность гибели: 98,4 %».

Глава 3

Вонь ударила в нос раньше, чем баркас ткнулся ржавым бортом в бетонную пристань. Это был густой, многослойный смрад: застарелый пот, жжёная проводка, прелый грибок и сладковатый запах неочищенного метана, поднимающийся из решёток канализации глубоко внизу. Родион Воронцов никогда не дышал таким воздухом.

Даже в самых грязных бараках Внешнего Кольца пахло просто бедностью — здесь же пахла смерть.

Еремей заглушил двигатели. Гул геотермальной турбины сменился звоном в ушах и капаньем конденсата с низкого свода тоннеля. Вода в реке была маслянистой, радужной от химических отходов; она лениво качала обрывки пластика и раздувшиеся трупы крыс.

— Добро пожаловать в кишки Москвы, княжич, — Еремей сплюнул за борт желтоватую слюну. — Снимай сапоги, на палубе кровь твоего старика. Не хочу пачкать чистый пластик.

Родион едва слышал его. Он сидел на настиле, прижимая к себе Искру. Экзоскелет сестры замёрз, превратившись в ледяной панцирь, который сковывал её движения. Сама она мелко дрожала под мокрым сукном шинели, пытаясь свернуться в клубок. Её зубы выбивали частую дробь.

— Раздевай её, — бросил Родион.

Еремей приподнял одну бровь, но спорить не стал. Он шагнул вперёд, одним движением ножа срезав пряжки экзоскелета. Металл со звоном упал на палубу.

— Сам справишься или помочь? — спросил мародёр, кивнув на слой одежды под бронёй.

Родион молча оттолкнул его руку. Его пальцы, привыкшие нажимать на спусковой крючок и перебирать чётки власти, сейчас казались неуклюжими. Он расстёгивал пуговицы онемевшими, сведёнными судорогой пальцами. Ткань примёрзла к коже сестры. Когда он стянул с неё мокрую рубаху, Искра вскрикнула — коротко, по-звериному, без всякого аристократического достоинства. Её кожа была неестественно бледной, почти синей, покрытой гусиной кожей. На рёбрах слева темнел уродливый синяк — след удара коптерного ремня при падении.

— Прекрати трястись над ней, как наседка, — фыркнул Еремей. — Если оставишь мокрую одежду, через час получишь кусок льда для Синода. Мне нужен живой свидетель, а не памятник.

Он швырнул Родиону свой собственный тулуп — тяжёлый, пропахший псиной, табаком и машинным маслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.